

№ 497. Четвергъ, 8 іюля 1904 г.

Годъ XVIII.

№ 497. Четвергъ, 8 іюля 1904 г.

Всѣ статьи объявляемы на строчку и плата за текстъ 20 к., послѣ текста—10 к.
Со всѣхъ частей Россіи и изъ-за границы объявленія принимаются исключительно въ Центральной
Контуръ объявленій „Торгового дома Л. и Э. Метцль и Ко“ въ Москвѣ, Мисницкая, домъ Сытина,
и въ его отдѣлахъ: въ
С.-Петербургѣ, на Большой
Нерской, № 11 и въ
Варшавѣ, Краковская
Провансаль. Отъ торг.
деловъ и промышлен.
фирмъ и частныхъ и всего
Сѣверо-Западнаго Края
объявленія принимаются
по соглаш. съ конторой
Ред. Подписка и
объявленія при-
нимаются въ конторѣ ред.: Минскъ губ., и во всѣхъ книж. магаз. Подписная цѣна съ почт.
и пересл.: на 12 м.—5 р., 11 м.—4 р. 70 коп., 10 м.—4 р. 30 к., 9 м.—4 р., 8 м.—3 р. 70 к.,
7 м.—3 р. 40 к., 6 м.—3 р., 5 м.—2 р. 60 к., 4 м.—2 р. 20 к., 3 м.—1 р. 70 к., 2 м.—1 р. 20 к.,
1 м.—75 к., За границу доплат. 60 к. за кажд. мѣсяцъ. Подп. считается съ 1 числа кажд. м-ца

Телефонъ редакціи и конторы № 229.

Отдѣльные №№ въ продажѣ по 5 коп.

СѢВЕРНЫЙ

ВЫХОДИТЪ въ Минскѣ губ. ЕЖЕДНЕВНО

КРОМѢ ДНЕЙ ПОСЛѢ ПРАЗДНИЧНЫХЪ.

Допускается расрочка подп. платы I) при под.—2 р., 1 мал.—1 р. 60 и 1 августа
1 р. 50 коп. или II) при под.—2 р., 1 мал.—1 р., 1 июля—1 р. и 1 сентября—1 р. За пере-
мѣну адреса: изъгородняго на изъгородній, город. на изъгородній и на оборотъ—25 к.; городского
на городской—15 коп. Агентства конторы для подписки, объявленій и розничной продажи открыты
во всѣхъ городахъ Сѣверо-Западнаго Края.

Статьи для на-
печатанія должны
быть присыланы за
подписью автора, съ его
адресомъ, хотя бы ав-
торъ пожелалъ скрыть
свое имя въ печати
Статьи, доставляемыя
безъ обозначенія усло-
вій, считаются беспла-
тными. Мелкія статьи,
корреспонденціи и сти-
хотворенія, призванныя
неудобн., Редакціей не
возвращаются.

Статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ
печатающему и сокращенію. Редакція

для личныхъ объясненій открыта ежедневно, за исключ. дней праздни-
чныхъ, отъ 12 до 2 ч. для Контора открыта ежедн. отъ 10 до 3 час. для
и отъ 6—8 ч. веч.; по праздн.—отъ 10 до 1 час. дня.

Телефонъ редактора № 235.

Отдѣльные №№ въ продажѣ по 5 коп.

Изъ русской жизни и печати.

* * А. Суворинъ дѣлится въ „Новомъ Времени“ воспоминаніями о Чеховѣ:

Уже десять лѣтъ тому его одолевалъ кашель, и были сильные перебои сердца, о которыхъ онъ не разъ упоминалъ въ своихъ письмахъ ко мнѣ. Изъ Млты въ апрѣлѣ 1894 г. онъ писалъ объ одномъ своемъ сердечномъ припадкѣ. „Чувство теплоты и тѣсноты, въ ушахъ шумъ... Быстро иду по террасѣ, на которой сидятъ гости, и одна мысль: какъ-то неловко падать и умирать при чужихъ“. И чахотка давно таилась въ его груди. У него случилось первое кровохарканіе въ Сибири, черезъ которую онъ ѣздилъ на Сахалинъ (1890) г. Но потомъ онъ чувствовалъ себя лучше. Первый сильный припадокъ чахотки, кровоизліяніе, вслѣдствіе чего онъ легъ въ клинику, случился при мнѣ въ Москвѣ въ 1896 г., когда мы съ нимъ сѣли обѣдать.

Но врачамъ до этого случая онъ не показывался и старательно скрывалъ отъ родныхъ свою болѣзнь. Это была натура деликатная, гордая и независимая. Въ ней глубоко лежало что-то самоотверженное. Онъ началъ писать еще студентомъ; родители его, на рукахъ которыхъ были еще сыновья и дочь, жили бѣдно, и его ужасно огорчало, что на именины матери не на что сдѣлать пирога. Онъ написалъ рассказъ и отнесъ его, кажется, въ „Будильникъ“. Рассказъ напечатали, и на полученные нѣсколько рублей справили именины матери. И съ этого времени онъ сталъ кормильцемъ своей семьи. Все, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ необыкновенно просто. Строилъ ли онъ школу для крестьянъ,—а онъ построилъ ихъ нѣсколько,—помогалъ ли кому, принималъ ли въ комъ участіе, онъ исполнялъ все это какъ будто въ силу какой-то врожденной обязанности, самой простой. Казалось, человѣкъ жилъ, ничѣмъ не задаваясь, ни къ чему не стремясь, жилъ потому, что родился, по все то, что близко ему было, что пахло откликъ въ его душѣ, все это получало отъ него какую-то здоровую теплоту. Его душа была такъ богата прекрасными дарами, что всякій приближавшійся къ нему испытывалъ это. Это былъ какъ будто самый обыкновенный человѣкъ, со всѣми слабостями, съ самыми обычными требованіями отъ людей и отъ жизни; въ какой-нибудь компаніи его трудно было отличить отъ другихъ: ни умныхъ фразъ, ни претензій на остроуміе, ни ложной скромности, ни какихъ-нибудь особенностей въ костюмѣ, которыми теперь, по примѣру иностранцевъ, начинаютъ отличаться новыя „знаменитости“, быстро попадая въ боги и думая, что надо носить, если не перо и шпагу, то какой-нибудь кафтанъ или куртку. Все въ немъ было просто и натурально. Онъ былъ какъ будто выраженіемъ всей той обыденной жизни, которую онъ изображалъ такъ превосходно, какъ настоящій мастеръ, и въ которой герои и героини такіе же обыкновенные люди, какъ онъ. Онъ любилъ свою среду и сторонился отъ всего того, что было ему такъ или иначе чуждо. Наединѣ съ пріятелемъ или въ письмахъ онъ судилъ съ необыкновенной тонкостью и чуткостью о людяхъ и о жизни, но опять же безъ всякихъ вычуръ, безъ той литературности и назидательности, въ которыхъ можно было бы увидѣть какія-нибудь претензіи человѣка, поставленнаго на значительную высоту въ родной литературѣ. Никогда онъ не стремился ни учительствовать, ни процофдывать. Я не сдѣлаю никакого преувеличенія, если сравню нѣкоторые его письма съ письмами Пушкина: та же искренность, та же простота, тотъ же ясный слогъ, та же независимость мысли отъ какого-нибудь „направленія“.